

Любовь Хишмская
**ВСПОМНИ
МЕНЯ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Александровна Хилинская

Вспомни меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70096093

SelfPub; 2023

Аннотация

Загадай под Новый год желание – и оно непременно сбудется! Катя загадала сменить работу, встретить мужчину мечты и переехать куда-нибудь подальше от мамы. Но она не думала, что все случится так внезапно, и мужчиной мечты окажется тот самый случайный партнер, от которого она родила дочь. Только вот он... не помнит ее! Живет себе, работает, счастлив, и тут – здравствуйте, я ваша Катя!

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	22
5	27
6	33
7	38
8	44
9	54
10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Любовь Хилинская

Вспомни меня

1

Зима в этом году выдалась морозная, снега намело столько, что казалось, природа решила отыгаться за все предыдущие годы, в которые очень редко баловала людей искрящимся белым крошевом.

Катя тащила санки сквозь метель, прикрывая варежкой глаза, стараясь идти ровнее и периодически оглядываясь на дочку, что сидела закутанная, будто в кокон, в пушистый платок, повязанный поверх шубы. Сейчас дойдут до садика, там Маришка умчит в группу, а ей еще бежать до остановки и ехать на автобусе до работы. Сегодня девочку заберет вечером бабушка, а сама Катя остается на дежурство. Работала она акушеркой в ЦРБ, или, если проще, в районной больнице, дочку воспитывала одна после случайной ночи с городским красавчиком, куда ездила на учебу. Пыталась его найти потом, в соцсетях запросы делала, гуглила сайты больниц административного центра, но он словно сквозь землю провалился, будто и не было его. Мужчины не было, а дочка была. Маришка – сладкая малышка, рожденная почти пять лет назад в собственном отделении.

Мать пилила, конечно, когда узнала, что Катя собралась сохранять беременность, но та решила – уже лет много, мужики из их городка что получше, давно разобраны, а что похуже – спились все, рожать не от кого, и оставила ребенка. Сказать, что было тяжело – ничего не сказать. Первый год особенно. Жили на пособие по уходу за ребенком, благо, отец еще был жив, и помогал, а в годик Катя попросила соседку-бабулю присматривать за малышкой за небольшую плату, а сама вышла на работу. Мать с ребенком отказалась сидеть категорически. Она и сейчас не особенно рада была, что приходится внучку сутки через трое забирать из садика, ворчала, но после смерти мужа стала помягче к дочери, да и Мариша подросла, уже с ней стало не так тяжело, как в младенчестве.

Старенький ПАЗик надрывно фыркал и гудел, пока вез сквозь метель своих пассажиров, набившихся, словно селедки в бочку, внутрь. На каждой кочке его подбрасывало, отчего люди волной качались вверх-вниз, упираясь друг в друга локтями, сумками, коленями, но так было даже теплее. Правда, ноги все равно замерзали ужасно. Надо бы унты купить теплые, да все денег жаль. Семнадцать тысяч на дороге не валяются, это почти целая зарплата за месяц Катина, не до роскоши. Приходилось ходить в своих стареньких сапожках, купленных еще в студенчестве, уже латанных-перелатанных, и с тоской смотреть на витрины магазинов, завлекательно мигающих баннерами о скидках.

Автобус подъехал к нужной остановке, Катя, придерживая пуховик спереди, чтобы не вырвать кнопки, протиснулась к выходу, вывалилась на мороз и вдохнула обжигающий воздух, коснувшийся ноздрей колкими иглами.

– Ну и стужа сегодня, да? – кивнула ей Леночка, медсестра с приемника. – Пошли быстрее, сейчас чаю горячего делаем, напьемся, хоть согреемся!

Но надеждам сбыться не удалось – в родзале находились три женщины, одна уже с большим открытием, вот-вот рожать, две других поступили под утро, первородки, даст бог, к вечеру разродятся.

Накидывая халат по дороге к отделению, Катя собрала свои густые пшеничного цвета волосы в гульку, вздохнула, глядя, как мигает лампа под потолком – Митрич, старый электрик, неделю назад запил, и поменять теперь прибор некому, покосилась на трещины в стене, качнула головой – сколько она тут работает, столько и обещают ремонт в отделении провести, да все никак не сподобятся. Отчего женщины не едут рожать в центр – неизвестно. Хотя, она ведь и сама не поехала, работала до родов, дежурство отпахала, и через сутки родила. Капельницы ставила прямо на дежурстве себе. Старенькая врач, Антонина Ивановна, только вздыхала, да прогоняла в декрет, приговаривая, что угробит Катя-ка и себя и ребенка, а девка вон какая родилась – всем на зависть, бойкая, хорошенькая, с кудряшками до пояса, никаких проблем с ней не было – ночами не кричала, села и

поползла вовремя, зубы без слез прорезались, прикорм как по учебнику. Только вот папы не было у нее, о чем сама Катя частенько размышляла. Она ведь не думала, что случайный секс с почти незнакомцем доведет ее до статуса матери-одиночки. И ведь рада бы сообщить парню, вроде, неплохой он, да как найти его – неизвестно, если кроме имени Григорий и специальности врачебной сведений нет. Пойди найди среди всех Гришек своего. Так вот и жили вдвоем с дочкой. Та раза два спрашивала, почему у других девочек папы есть, а у нее нет. А что ответишь? Приходилось придумывать распространенную сказку, что уехал работать и до сих пор не вернулся.

День промелькнул быстро. К обеду привезли многодетную мать с преждевременными родами на сроке тридцать недель, у которой отошли воды. Это был ее седьмой или восьмой ребенок, роженица путалась в показаниях, была пьяна и плохо соображала, сопровождал ее такой же сожигатель, рыдающий то ли от счастья, то ли от алкоголя, невнятно бубнящий что-то о том, что станет отцом, но слинявший сразу же, едва стонущую Галюню забрали у него, переодели в чистую рубашу и повезли в родовую, где спустя пять минут она произвела на свет мертвого ребенка женского пола.

Привыкнуть к такому нельзя, и Катя плакала сквозь маску, пока измеряла рост и вес младенца, а потом отдавала санитарке, чтоб унесла в МОРГ. К утру Галюня сбежала из отделения в одной ночнушке и больничных резиновых тапках,

умудрившись прошмыгнуть мимо санитарочки и пожилого охранника.

– Ой, Катък, надо валить отсюда! – Лена с тоской натянула колготки и замерла, устало пялясь в одну точку. – Это ж надо, пашем, как волю, а зарплату получаем, как не знаю кто.

– И куда ты пойдешь? – Катя распустила гульку, с наслаждением потирая затылок пальцами.

– Ой, да мало ли мест! – отмахнулась Лена. – В Москву вон поеду, там столько частных клиник, устроюсь куда-нибудь! Слышала, Машка с инфекции хахаля себе нашла и вообще не работает!

– Так то Машка, а то мы! – засмеялась Катя. – Ты ее вспомни – кровь с молоком, красавица, а мы что? Мыши серые, особенно я. Ты-то хоть яркая такая, а я? Волосы русые, а брови и ресницы светлые. Не мышь даже, а моль.

– Ну и что? – пожала Лена плечами. – Ну моль, а дите вон родила. Значит, понравилась мужику-то!

– Ага! – засмеялась девушка в ответ. – С тех пор у меня там все паутиной заросло. Хоть бы кто глазом подмигнул, а нет, все мимо идут.

– В город тебе надо, – ответила ей медсестра. – Собирай Маринку и валите, устроишься там, акушерки везде нужны. Вон сколько кабинетов частных. Или вон можно в косметологию пойти. Сиди себе, бабам морды мажь масками, да деньги стриги.

– Так это переучиться надо, а у меня денег нет, – вздох-

нула Катя. – Я уже все попередумала, а толку? Зарплата как была слезы, так и есть. Никуда нам отсюда не деться, так и порем в дыре.

Катя покачала головой, прикрывая жалобно скрипнущую дверцу шкафчика, давно уже просящегося на покой. Хлипкий замок давно сломался и не функционировал, поэтому хранить ценные вещи в раздевалке было нельзя, приходилось сумку таскать с собой и запирать в сестринской. Врачам хорошо, они переодеваются в дежурках своих, да ординаторских, а среднему и младшему персоналу тяжело. Раздевалка в подвале, никто за ней не следит, и пару раз было такое, что обворовывали шкафчики. Конечно, грабителей так и не нашли, но ценное теперь там никто не хранил.

Вздыхнув, женщина потянулась, с хрустом распрямляя уставшие за сутки плечи, накинула пуховик, завязала шарф, натянула шапку до бровей, а по дороге варежки, и вышла из корпуса, задохнувшись от ударившего в нос мороза. Наконец-то домой! Теперь два дня отдыха, и снова на дежурство, а там еще и на субботу выпадает, придется маму просить Маришку на сутки забирать.

2

Разговор с Леной засел в голове прочно, не давая ни минутки покоя. А что, может, и в самом деле, попытать счастья в городе? Снять комнату в общеаге, найти работу, Маришку в сад пристроить. Правда, говорят, трудно там с садиками, но они не полезут в самые переполненные, найдут тот, что на окраине.

Сначала зашла на самый распространенный сайт для поиска работы. Акушерки требовались, но зарплата была не сильно-то и велика, чуть-чуть больше, чем сейчас, вся разница уйдет на оплату комнаты, овчинка выделки не стоит, а в частные клиники кто ее возьмет без протекции? Там, наверное, всех своих только берут, кого рекомендуют надежные люди.

– Никому-то мы не нужны, мам, – вздохнула вечером, когда мать пришла с подработки.

– Конечно, – проворчала та, – собирайся и езжай, пока молодая. Это я уже старая лошадь, а ты еще вполне можешь устроиться.

– А Маришу я куда дену? Это ж не котенок.

– А я на что? Справимся. Маринка большая уже, в школу через два года пойдет, ты как раз там устроишься. Что ты тут сидеть будешь куковать? Мужики вон спились все тут, никого не найдешь себе, да еще и с прицепом ты.

– А что за прицеп? – любопытно засверкала глазенками девочка, сидя на ковре. – Это такая большая машина, да? А у мамы нет такой!

– Да, малыш, пока у меня не то, что машины, пока даже перспектив нет, – грустно вздохнула Катя. – Мам, ну куда я поеду? Новый год впереди, кто меня там ждет? Отметим уже, а после праздников съезжу туда-обратно, зайду к знакомой моей, она раньше в клиничке (клиническая больница – прим.авт) работала главной медсестрой, может, у них там место есть. Да только вот сомневаюсь, что сильно в зарплате выиграю. Если и ехать куда-то, то в Москву, но Маришу я не оставлю, а с ней не смогу. Может, мне замуж выйти? Петька вон давно клинья подбивает.

Мать фыркнула и закачала головой.

– Петька – алкаш! – заявила она с вызовом. – Ты посмотри на него! Молодой, а уже выглядит, как дед. И что ты с ним делать будешь? Пить? Нет уж, такого зятя мне не надо! О дочери подумай!

– Мамочка, а ты загадай желание, как Золушка! – посоветовала прислушивающаяся к разговору девочка, сидящая на ковре и сосредоточенно надевающая на куклу платье. – Вот она ж захотела за принца замуж, и он ее нашел. Мы с тобой смотрели, помнишь? Правда, у нее туфельки были хрустальные, а у тебя нет.

– У меня только салатницы хрустальные, – буркнула Катя мрачно. – Боюсь, принц не оценит, если я в них на бал приду.

Плюхнувшись в старенькое кресло, протяжно скрипнувшее от такого движения хозяйки, девушка поджала под себя ноги и пригорюнилась, обводя глазами комнату, где они сейчас всей семьей находились. Старая мебель, стенка еще ГДР-овская, купленная отцом по бешеным на тот момент деньгам, вытертый ковер на полу, еще один на стене, диван, выдавший виды и изрядно подранный котом Марсом, и в углу у окна телевизор, по которому в данный момент шел очередной любимый мамин сериал про любовь. Взгляд скользнул по потолку, и Катя вздохнула – покрытый трещинами, он был похож на всю ее жизнь, такую же серую и унылую. И без перспектив к улучшениям.

– Мам, может, ремонт сделаем? Люди вон натяжные потолки делают, мебель меняют, а мы живем в совдепии какой-то!

– Угу, – мать шумно отпила глоток чая и покосилась на нее. – А на какие шиши? Отец пока жив был, худо-бедно перебивались, а сейчас что? Ты вон который год в своих сапогах ходишь? Так что без ремонта как-нибудь обойдемся, иди спать ложись, глаза вон красные все. А вообще, собирайся и завтра прямо с утра езжай к этой своей знакомой. Нечего ждать столько времени. Это пока Новый год, потом праздничные дни, месяц пройдет. А тут уже люди о тебе знать будут, может, и предложат чего.

Поразмыслив, Катя пришла к выводу, что мама права. Если уж решила менять свою жизнь, то надо не просто лежать

в сторону исполнения мечты, а действовать, и потому с раннего утра на бла-бла-каре поехала в областной центр.

Город встретил ее зимним смогом, запахом дыма из печных труб, серым слипшимся снегом, густо заплыванным на пешеходных дорожках, шумом машин и холодным ветром, ударившим в лицо, едва она вышла из теплой машины.

Ирина Николаевна, главная медицинская сестра краевой клинической больницы была на своем месте и очень удивилась, увидев закутанную по самые брови девушку.

– Катя? – приподняла она брови. – Здравствуй.

– Доброе утро! – стаскивая шарф с шеи, вздохнула в ответ путешественница. – А я к вам.

– Ну, садись, – медсестра махнула рукой в сторону стула и проследила, как гостя снимает пуховик и усаживается, поджимая ноги в стареньких сапожках. – Что-то случилось?

– Нет! – Катя помотала головой. – Вернее, не совсем нет. Я просто приехала спросить, может, вам сюда акушерки нужны? Тут же роддом есть на территории, может, туда?

– Переехать надумала? – Ирина Николаевна задумчиво побарабанила ручкой по папке с документами, а затем взяла в руки телефон, выискивая в контактах нужную фамилию. – Зиночка? – заулыбалась она, когда на том конце провода ответили. – Привет, дорогая, с наступающим! А у меня для тебя подарочек! Буквально в руки свалился, да... Ага, спасибо!... Да что за подарочек-то? Девочку к тебе отправлю, ты спрашивала толковую же. Вот, вселенная услышала тебя...

Да, вот буквально сейчас передо мной сидит, отогревается... Конечно, придет к тебе, ты дождись ее. Очень хорошая акушерка, я ее давно знаю. Руки из нужного места растут. И голова.

Пощебетав еще о чем-то незначительном, главная медсестра отключила телефон, положила его на столешницу и заулыбалась.

– Вы, похоже, делаете одинаковые запросы вселенной! – сообщила она довольным голосом. – Позавчера моя знакомая, тоже главная сестра, спрашивала, нет ли кого на примете. Правда, она не в государственной больнице работает, а в частном медицинском центре, и у них там открывается отделение ведения беременности, куда требуется акушерка. Врача, вроде, нашли, а вот помощницу ему нет. Работа без дежурств, полный соцпакет, отпуск как положено, формой обеспечивают, а самое главное – очень приятная зарплата и премии ежеквартально. Будь я помоложе, сама б туда перешла, да я уже о пенсии думаю. Так что прямо сейчас поезжай туда, сразу пиши заявление, и через две недели выйдешь. Как раз Новый год пройдет, праздники отгуляешь, и на новое место. Почти с понедельника начнешь другую жизнь. Дочка-то как твоя?

Поболтав еще немного с Ириной Николаевной, Катя вышла из больницы, удивленно качая головой. Как же хорошо, что она поехала именно сегодня, мама как чувствовала, что отправила ее! А уж услышав условия работы, и самое главное

– какая будет зарплата, девушка и вовсе едва не заплакала от счастья. Неужели они с Маришкой выберутся из тухлого места, смогут устроиться в жизни и перестанут испытывать нехватку денег наконец-то?

3

На удивление, приняли Катю тепло, напоили горячим вкусным шоколадом, угостили пирожным, согрели, и только потом начали беседовать о работе. Зинаида Антоновна оказалась совсем еще молодой девушкой, сменившей на посту ушедшую в декрет предшественницу. Она долго расспрашивала Катерину об учебе, о работе, о родах, ахала и качала головой, слыша, сколько приходится пахать, и какая при этом зарплата.

– Конечно, надо вам уходить оттуда, Катенька! – всплеснула руками главная сестра. – Нельзя так горбатиться без перспектив к улучшению! А я вам с жильем помочь попробую! У наших владельцев квартира есть неподалеку, они ее не сдают, боятся, что попадутся жильцы неблагодарные, все там разрушат. Но вы ж не такая! Тем более, будете здесь у нас и работать. В общем, поговорю с Иван Ивановичем, думаю, он не против будет. Правда, с садиком для вашей девочки не смогу подсобить, тут связей нет вообще.

Катя смутилась. Она-то ехала без всяких надежд на то, что получится, но то ли над ней в какой-то момент пролетала фея-крестная, то ли Дед Мороз проскакал на тройке, то ли судьба повернулась, наконец, не задом, а фасадом, в общем, перспективы замаячили крайне заманчивые. Днем выхода обозначили десятое января, как раз, когда страна по-

сле праздников должна была приступить к работе, а Катерина успеть к тому времени отработать положенные две недели, решить вопрос с садиком для дочери и собрать вещи.

Сидя в маршрутке, глядя, как стелется серо-белой лентой обочина дороги, девушка еще раз прокрутила в голове перспективы. Страшно было, конечно, переезжать, все же город большой, больше того, где она всю жизнь прожила, и знакомых нет, и поддержки тоже. Но ради перспектив для ребенка и себя это следовало сделать. Не сидеть же в глухом болоте всю жизнь.

Вещей оказалось немного, уместились в две больших сумки. Мама вырвалась помочь, и украдкой вытирала слезы, когда усаживала зацелованную внучку в машину. Годы сделали ее мягче и терпимее, она стала ласковее и даже, казалось, полюбила свою дочь.

– Ну, с богом! – перекрестила на прощание Катю и поцеловала в щеку. – Как доедете, ты мне позвони. А то и оставь Маришу, не тащи с собой, пусть со мной поживет, пока ты там устроишься. Чай, недалеко живем, будешь в выходные приезжать.

– Нет, мам, я так не могу, – вздохнула девушка.

Они уже сто раз обсудили это, и вот опять мать взялась за свое.

– Ты без нас отдохнешь, сериалы не будет никто мешать смотреть. Ну и дядя Гриша, наконец, прятаться не будет, а то жметесь с ним по углам, как подростки!

Женщина вспыхнула, пряча лицо в платок. С соседом по дому она начала встречаться полгода назад украдкой. Сначала тот подвозил ее на работу, потом стал приглашать на обед, пару раз она бывала у него на даче, и частенько заходила в гости. Он и раньше поглядывал на строгую даму, да только та была замужем и никого близко к себе не подпускала, а как овдовела, стала мягче, и сумел-таки Григорий Степанович втереться сначала в доверие, а потом и постель к Нине Ивановне. Так и жили украдкой, встречались изредка, и сколько Гриша ни звал ее к себе окончательно, все никак не соглашалась Нина. Негоже в таком возрасте шуры-муры разводить, считай, шестой десяток идет, какая личная жизнь может быть! Курам на смех! Но продолжала бегать на свидания и всякий раз возвращалась виноватой к большому портрету мужа, боготворимого дочерью. Как она могла сказать той, что у нее появился другой мужчина? Всю жизнь старалась быть примером для нее, держала в ежовых рукавицах девочку, чтоб не пошла по рукам, да не спилась с одноклассниками, а поди ж ты – не уберегла от беременности. И ведь самое плохое, что отец-то даже и неизвестен. Уж сколько пыталась Катьку, да та все одно твердила – случайно вышло, кроме имени ничего не знает.

Провожая глазами отъезжающий автомобиль, украдкой вытерла слезу – как-то они там в городе устроятся? Надо будет поехать в выходные, поглядеть.

Катя сняла верхнюю одежду с прилипнувшей носом к ок-

ну дочери и с себя, а затем откинулась на спинку сиденья. Пришлось ей целиком оплачивать машину, ехать с кем-то еще она не хотела, и в автобусе дочь тащить тоже не желала. Дороговато вышло, зато доставят прямо к дому, ключи от которого уже весело позвякивали в кармане.

Иван Иванович, руководитель клиники «В надежных руках» оказался человеком лет шестидесяти. Вместе с женой он перебрался жить в загородный дом много лет назад, а квартиру, купленную для уехавшей в Москву дочери, держал пустой.

– Мебели маловато, – сообщил, раскрывая дверь перед Катериной, – ну да при желании докупить можно, коль нужда будет.

Девушка закивала, в восхищении глядя, как солнце за-тапливает помещение, и сразу же поняла, что здесь ей будет очень хорошо. Зимой небо казалось ярко-синим, и сейчас его было хорошо видно сквозь прозрачные стекла.

– Как здесь хорошо! – не удержалась она. – Спасибо, что доверились мне!

Мужчина пожал плечами.

– Да за тебя моя главная сестра поручилась, так что весь спрос с нее будет, – усмехнулся он в бороду. – Парней не водить, вечеринки не устраивать, и все хорошо будет. У вас же ребенок маленький? Сколько ему?

– Пять лет, – улыбнулась девушка. – Только не ему, а ей, у меня дочь. Она очень послушная, на обоях не рисует.

– Да за обои я меньше всего переживаю, – махнул рукой руководитель, – они – дело такое, сегодня эти, завтра другие. Здесь через дорогу частный садик есть, на первое время туда устройте, пока ждете путевку. В прошлом году наш внук в этот сад пошел, сын очень доволен, воспитатели хорошие, кормят прилично.

– Спасибо! – Катя искренне пожала руку Ивану Ивановичу. – Я посмотрю, что за садик.

Сейчас, прокручивая в голове тот разговор, она только вздыхала – расценки ей не по карману. Конечно, мама распотрошила свою кубышку, дала пятьдесят тысяч рублей. Как уж она умудрилась их скопить в условиях тотальной нехватки денег – загадка. Может, это еще от папы осталось. Но тратить бездумно точно не хотелось. Купит только самое необходимое, а потом добавит и вернет все до копеечки.

– Мам, смотри, там карусель! – заверещала Маришка, когда машина проезжала мимо парка Победы. – Сходим?

– Да она не работает зимой, – сказала женщина, вспомнив, как сама мечтала оказаться в этом парке в детстве и прокатиться на всех-всех аттракционах.

И отец ей устроил такую прогулку однажды, спустив всю зарплату и получив от жены нагоняй за бездумное расточительство. Но он очень любил дочь, и та до сих пор сожалела о его ранней смерти. Был бы жив папа, сейчас бы все по-другому было!

Заплатив водителю, Катя дотащила сумки до лифта и

вздохнула – вот и новая жизнь! Два дня на обустройство, и выходить на работу. Хоть бы все сложилось хорошо!

4

Новая жизнь с понедельника, да еще и первого рабочего дня в году – это ли не мечта?!

Катя шагала к клинике с некоторым трепетом внутри, опасаясь, как ее примет новый коллектив, как она впишется в него, как вообще все пройдет. Все ж новый город, хоть она и училась в нем, новые люди, вообще все другое.

Кстати, Марина была не так настроена. Она с удовольствием пообщалась с воспитательницей, важно сообщила, что уже достаточно взрослая, чтобы решить свои проблемы и унеслась в группу знакомиться с детьми, помахав на прощание ручкой.

Если б и у взрослых было так легко!

В двери клиники Катя входила уже с прилично колотящимся сердцем. Все-таки в своей больничке она почти всех знала, и было легко вписаться в коллектив после практики там, а здесь вообще все незнакомое.

– Доброе утро! – приветствовали ее на ресепшн. – Вы наша новая коллега?

Улыбчивая девушка с тугим пучком из волос на затылке и в бело-фиолетовой форме поднялась ей навстречу.

– Доброе утро! – несмело улыбнулась Катя. – Да, я акушерка, сегодня первый день.

– Поднимайтесь на лифте на третий этаж, там по коридору

направо до кабинета Зинаиды Антоновны, а дальше она уже сориентирует.

– Спасибо!

В блестящей кабине Катя еще раз придирчиво оглядела себя – волосы она тоже собрала в пучок, на лицо нанесла немного тонального крема, чтоб скрыть круги под глазами, а также совсем чуть-чуть тронула ресницы тушью и брови.

Она была типичной славянской внешности, с русыми волосами, бледной кожей с веснушками на носу и почти белыми ресницами и бровями. Если не пользоваться косметикой, то это будет человек без лица, как любила шутить над ней одногруппница Ольга Паршукова. Поэтому девушка даже не рисковала показываться на люди в своем естественном образе. Не узнают еще!

Зинаида Антоновна проводила девушку до раздевалки, выдала форму и показала шкафчик с уже наклеенными фамилией и инициалами новой сотрудницы. Катя быстро переделась, пригладила волосы и трижды глубоко вдохнула-выдохнула, пытаясь унять расшалившиеся нервы.

– Все будет хорошо! – пробормотала она успокоительную мантру и вышла из раздевалки.

– Ну что, готова? – тепло улыбнулась ей главная сестра. – Представлю тебя коллективу, сейчас как раз планерка будет. Ты сегодня вместе с Варварой Алексеевной работаешь, она у нас тоже новенькая, но ее заведующий представлять будет. Отделение ведения беременности у нас новое направление,

все очень рассчитывают на вашу команду

– Я буду стараться! – отрапортовала Катя и вошла в широкие двустворчатые двери следом за Зинаидой Антоновной.

Комната персонала уже была заполнена до отказа. Здесь собрались врачи, средний и младший медперсонал. Медицинский центр «В надежных руках» представлял собой шестизэтажную клинику, основным направлением работы которой до недавнего времени была пластическая и сосудистая хирургия, а недавно открыли терапевтическое и детское отделения, а также целое крыло выделили для будущих мам, расположив там кабинет врача-гинеколога, дневной стационар, кабинет УЗИ и процедурный.

– Доброе утро всем, – высокий мужчина с седыми висками поднялся из-за стола, где сидел, обводя всех взглядом из-под кустистых бровей. – С наступившим Новым годом. Надеюсь, вы как следует отдохнули, и теперь готовы пахать как маленькие пони на благо собственного кошелька и здоровья населения.

Кто-то хихикнул, но заведующий, которого, как шепнула Зинаида Антоновна, звали Дмитрий Борисович, так строго глянул на собравшихся, что Катя сжала губы. Суровый дядька, однако!

– Итак, новые новости – с сегодняшнего дня у нас в коллективе прибавление. Варвара Алексеевна, встаньте!

С места поднялась высокая худая женщина лет сорока.

– Прошу любить и жаловать – наш акушер-гинеколог до-

родового наблюдения, – улыбнулся Дмитрий Борисович, отчего его суровое лицо преобразилось, выдавая доброту. – И ее верный Санчо Панса – наша акушерка Екатерина Владимировна.

Катя поднялась, чувствуя, как от обращенных на нее взглядов лицо и шею затапливает жаром.

– Обе эти дамы весьма опытные, и если вам вдруг приспичит родить на рабочем месте, то смогут оказать помощь, – пошутил заведующий, – садитесь.

Дальше планерка пошла по ранее намеченному плану. Обсудили пациентов, что оставались в хирургическом стационаре под наблюдением, план на ближайшую неделю, а затем была дана команда разойтись по рабочим местам.

Катя вскочила, стараясь не выпускать из виду Варвару Алексеевну, и тут же столкнулась с кем-то, кто также двинулся к выходу.

– Ой, извините! – пробормотала она, поднимая голову и замирая – перед ней стоял Григорий, от которого она пять лет назад родила свою чудесную дочку.

– Ничего страшного! – мазнув по ней равнодушным взглядом, врач шагнул в сторону и направился к выходу, задумчиво глядя в экран телефона, оставляя побледневшую девушку за спиной.

Может, она обозналась, и это не он? Тогда этот парень выглядел немного толще и не так холено, а сейчас же представлял собой образчик сексуальности – высокий, спортивный,

с модной стрижкой – не мужчина, а мечта!

– Кто это? – спросила она подошедшую незаметно Зинаиду Антоновну.

– А, это наша звезда – сосудистый хирург Григорий Плотников. Тетки от него в восторге. Но ты смотри, он такой... непостоянный. Говорят, его бросила чуть не в ЗАГСе невеста, и с тех самых пор к женщинам этот красавец весьма пренебрежительно относится. Проще сказать, трахает все, что движется, а наутро имен не помнит. Так, но это строго между нами! Ты девушка серьезная, я не думаю, что влипнешь, но кто предупрежден – тот вооружен.

Катя медленно вышла в коридор, глядя, как Гриша уцепил какую-то девушку, судя по цвету костюма медсестру, за локоток и что-то нашептывал той, склонившись к уху, а девица рдела и смущенно хихикала.

– Блядун какой! – зло пробормотала она под нос и осеклась, встретив удивленный взгляд главной медсестры. – Не люблю таких! – пояснила тут же.

– Вот и славно! – ответила ей Зинаида Антоновна. – Значит, Катюша, ты в его сети точно не попадешь. Да и предпочитает он брюнеток, а ты совершенно не в его вкусе.

– Чудесная новость! – едко заметила Катя и выхватила взглядом из толпы Варвару Алексеевну. – Могу я идти? Хочу осмотреться до начала приема.

Катя так неожиданно для себя вписалась в коллектив, что стала чувствовать комфорт чуть ли не с первых дней работы. Конечно, поначалу у нее были опасения, что ей не понравится, все-таки, одно дело работать в родзале и принимать роды, и совершенно другое – быть в амбулаторном звене в паре с врачом. Варвара Алексеевна, кстати, оказалась вовсе не суровой дамой, как показалась вначале, а вполне улыбочливой женщиной, любящей беременяшек и сюсюкающих с ними на бог знает каком языке, вызывающем умиление у всех окружающих.

– А кто это у нас тут пришел? – встречала она у двери пациентку и продолжала: – Это Дашенька/Глашенька/Аленушка, – и так далее по списку.

Усаживала посетительницу поудобнее, так как, если это был первый прием, то длился он не менее часа, в который изучалось все, что могло иметь отношение к беременности – как жила беременная с рождения и до сего дня, рожала ли раньше или была беременна, как все это происходило у ее мамы и бабушки и много другого, что на первый взгляд вообще не имело никакого отношения к «пузожителю», но оказывалось важным в тактике ведения.

– К нам же простые женщины не идут, – вздыхала врач, – ты посмотри, у каждой риски огромные. Кто-то с невынаши-

ванием приходит, разочаровался в женской консультации, а кто-то и вовсе после ЭКО, да не с первого раза, а с пятнадцатого! Намыкались, бедняжки, натерпелись, и наша задача – сделать так, чтобы они чувствовали себя комфортно и счастливо в этот непростой период. Чтоб, как они на форумах пишут, можно было наслаждаться беременностью, а наша с тобой задача – сделать так, чтобы проблемы, которые могут возникнуть, не дали ей прерваться. Так что, Катенька, работаем на благо населения!

И Катенька работала – измеряла рост и вес, размеры таза, окружность живота, слушала сердцебиение плода, заполняла миллион бумажек на анализы и так далее. Поначалу ей было скучновато, но после первой зарплаты, пришедшей на карту, девушка кардинально поменяла свое мнение – сумма оказалась в три раза больше, чем она получала в своем родном родильном отделении. И при этом не было никаких дежурств, ночных бдений, внеочередных выходов на работу и всего прочего, отчего под глазами имелись темные круги размером с озеро Байкал.

Одно только ее тревожило – Григорий, мать его за ногу, Плотников. Эта скотина в сторону акушерки даже носа не поворачивала, предпочитая зубоскалить с молодыми операционными сестрами, незамужними томными красотками в модных медицинских костюмах. Те же все как одна были волооки, чернобровы и со смоляными кудрями. Не оперблок, а модельное агентство! Но работали все мастерски, хирурги

очень хвалили их на каждой еженедельной планерке.

Катя злилась. Первое время она нарочно старалась попасться засранцу на глаза почаще, но тот только кивал задумчиво, и скользил мимо в своих белых кроксах, даже не делая попытки воскликнуть: «Ба, да это ты!», после чего заключить девушку в объятия и умчаться на оленях (тут девушка злорадно хмыкала) в свою неведомую даль.

Григорий же всяческих надежд не оправдывал. Более того, он делал вид, что они не знакомы. И ему б рано или поздно удалось убедить в этом начинавшую сомневаться в себе акушерку, если б та каждый вечер не забирала с садика точную его копию.

– Даже нос у тебя от отца! – бурчала она дочери, придирчиво разглядывая ту во время сна. – От меня одно место, и то ниже пояса!

Парень был завидным холостяком, но, судя по поведению, менять свой статус в ближайшее время не собирался. Медсестры любили позубоскалить в отсутствие врачей и частенько перемывали кости ему, а также другим неженатым коллегам.

– Вот ты, Катя, как считаешь, есть у нас шанс или нет? – спросила ее как-то хохотушка Виктория, наливая чай и забираясь с ногами в кресло в дежурке. – Ты ж человек новый в нашем коллективе, наверняка тебе со стороны виднее. Я вот прям мечтаю этого Плотникова уже в ЗАГС потащить, да только он как Фигаро – то тут, то там.

– Не Фигаро, а шмель, – усмехнулась еще одна коллега, Машенька, тоже брюнетка с кожей цвета сливок и темными глазами, похожими на две маслины. – Огромный такой шмель, который летает с цветка на цветок, выпивает нектар и летит к следующему. Такого разве можно одним цветком удержать, а, Вик? Ты посмотри на него, он же типичный блядун! Нафига тебе такой? Он от тебя бегать будет налево, только свист стоять, а ты сиди жди его дома, босая, беременная, на кухне, готовь ему обед из семи блюд и жди, пока твой шмель домой зайвится, весь в чужих духах и с помадой на х...

Договорить она не успела, так как то самое насекомое, о котором шла речь, открыло дверь и появилось в поле зрения девочек.

– А чем это тут так пахнет? – осведомился он, открывая микроволновку и доставая контейнер с Катиным обедом. – Мммм! Волшебно просто! Девушки, признавайтесь, кто такой кулинар-искусник, я тому готов отдать свое сердце!

– Мое! – буркнула ему акушерка, подходя и буквально вырывая контейнер из рук. – Оставьте свое сердце при себе, доктор, мне оно без надобности. Я человечину не ем!

– А вы язва, Катюша! – соизволил обратиться на нее свое царственное внимание хирург. – То есть, если я вот вас сейчас замуж позову, вы откажетесь?

– Ну рискните! – внезапно обернулась Катя, нарочито медленно смерив Григория взглядом с ног до головы. –

Вдруг я соглашусь? Что делать-то будете?

Плотников не успел открыть рот, как в дежурке появился еще один хирург, Дмитрий Рогожин, который также начал принохиваться.

– Божественный аромат! – закатил он глаза. – Дайте же мне немедленно вкусить эту прелесть! Кто это готовил?

– Она! – прыснула Виктория, указывая на Катю пальцем. – Но тут, Дмитрий Викторович, у вас конкурент имеется, он уже Катю замуж позвал почти.

– Вот этот вот? – уточнил хирург, бросая взгляд на скрестившего руки на груди Плотникова. – Не, этодохлый номер, этот не женится, даже если его на аркане поволокут. Так что не теряйте время, девушки, давайте мне свою еду, я проведу пробы и определюсь, кто сегодня станет моей женой!

Катя фыркнула, а затем ушла на дальний конец стола и уселась за него, взяв в руки ложку и сунув ее в свой контейнер с самым обычным борщом, который умела готовить по простому украинскому рецепту. Она сунула первую порцию в рот, а затем подняла глаза и встретилась взглядом с Плотниковым, который продолжал смотреть на нее, все также стоя у окна со скрещенными руками. И такой этот взгляд был странный, изучающий, словно она лабораторная мышь, что девушка не выдержала и вздернула вверх бровь, мол, что надо, человеке?

Хирург отвернулся, переведя взгляд на щебетавшую Вику, которая уже разогревала ему обед, и затем вовсе потерял

интерес к акушерке, чем вызвал в той волну гнева. Ах ты так! Ну ничего, ты еще узнаешь, где раки зимуют!

6

Прошла неделя, за ней еще одна и еще, а Катя так и не придумала, как сообщить Григорию о дочери. Да и вообще, сообщать ли. Первое время, когда только узнала о беременности, она придумывала себе в голове картины одна другой умильнее – как встречает счастливого отца, как он узнает о ребенке, как хватает ее на руки, кружит, целует и говорит, что ждал этого всю жизнь, а теперь вот он – подойди и скажи, мол, вот ваша дочь, господин Плотников, а я та самая Катя, с которой вы имели неосторожность без средств защиты провести чудесные часы. Но каждый раз, когда видела хирурга, робела и отступала. Ну как она ему скажет? Он ведь даже не помнит ее, и тут – здравствуйте, я ваша Катя! Смешно! И ладно бы мужчина испытывал хоть какой-то интерес к девушке, но он оказался абсолютно равнодушен к русым и белокожим, предпочитая брюнеток со жгучими глазами. Поговаривали даже, что уже продолжительное время встречается с одной дамой из клиники-конкурента, что так взяла Гришеньку за его яйца, что тот даже не помышляет о походе на сторону. И как тут сообщить новость? Нет, надо хорошенько обдумать все. Может, днк-тест сделать? Взять волос с рубашки и предъявить ему потом бумагу, мол, так и так? Да ну, нет, бред какой-то! Что он подумает? Что Катя – охотница за деньгами и хочет захомутать бедного Гришеньку

ку? Фу! Хомутать еще такого блядуна! Сдался он триста лет!

Но обида засела внутри едким пламенем, заставляя ее язвить и презрительно хмыкать, если Плотников обращался к девушке с каким-нибудь вопросом. Это не осталось незамеченным другими сотрудниками, и вскоре народ начал подшучивать над Гриней, что не видать ему Катерину как своих ушей, мол, эта девушка сожрет с косточками и не подавится.

Зато другой врач, Дмитрий Викторович, буквально прохода акушерке не давал, осаждая ее словно вражескую башню, пуляя комплиментами, как из катапульты, и давая понять, что не против перевести отношения из служебных в горизонтальную плоскость.

– Катенька! – мурлыкал симпатичный хирург, нависая над сидевшей за чашкой кофе девушкой, – а не желаете ли посетить со мной сауну?

Виктория, которая в этот момент тоже находилась в дежурке, чуть не подавилась чаем.

– Вы ее еще в номера пригласите, доктор, не стесняйтесь! Раз уж в сауну зовете, то с продолжением! Должна ж девушка удовольствие получить хоть какое-то. Кать, ты как относишься к саунам с мужиками?

– Никак! – не поддержала иронию девушка, метнув мрачный взгляд на хирурга, краем глаза замечая, как открывается дверь, и в дежурке появляется Григорий, разговаривающий по сотовому.

Он уселся напротив за стол и невидящим взглядом уста-

вился на Катю, продолжая с кем-то обсуждать проблемы одного из сложных пациентов, что лежал сейчас в стационаре с тромбозом глубоких вен левой ноги.

Несмотря на весь свой блядунизм, врачом Гриша был хорошим, запись к нему растягивалась на консультации на месяцы вперед, как и на операции. Люди ехали из других городов, наслушавшись дифирамбов, и существенную долю выручки приносила именно сосудистая хирургия. Народ постепенно привыкал, что не нужно мотаться по поликлиникам, лежать без комфорта в государственных больницах, когда можно заплатить и быть уверенным в исходе и отношении медперсонала.

Кстати, и в первичном акушерском звене тоже наблюдалось увеличение количества пациенток. Другие клиники тоже оказывали услугу ведения беременности, но только в «Надежных руках» это было комплексное сопровождение с осмотрами врачей на местах, анализах, дневным стационаром и прочими так необходимыми будущим мамам услугах. Даже стоматолог был специально для беременных, и шли они к нему толпами, из уст в уста передавая фамилию врача. Катя к вечеру порой так уставала, что ног не чувала, а ведь поначалу считала свою новую работу легкой.

Мариша тоже привыкла в новом садике, быстро подружилась с детьми, благо, в частном саду их было не так много, как в государственном, и каждый день делилась с матерью событиями и интересными случаями.

– Мам, а давай сходим в выходные в кино! – заканючила дочь в пятницу вечером. – У нас уже все ходили на мультик, одна я не была, мне даже Петьку стукнуть охота, когда он хвастается!

Катя поправила девочке шапку, а затем улыбнулась.

– Ну конечно, давай сходим! Хочешь, вот прямо сейчас и поедем туда, чтоб не в выходные. А в воскресенье на каток поедем, я б с удовольствием на коньках покаталась, пока лед еще есть. А то весна скоро, все растает, там не до коньков будет!

Мариша в восторге захлопала ручками и завизжала от радости, привлекая к себе внимание людей.

– Мама, ты у меня как фея! – верещала она и возбужденно всю дорогу лопотала о героях мультика, наслышанная о них из рассказов садиковских друзей.

Кинотеатр находился в одном из больших ТРЦ, на первом этаже которого до сих пор красовалась новогодняя композиция из шаров, украшающая фойе. Девочка завертелась возле фонтана, разглядывая белого мишку и Снегурочку, а Катя отвлеклась на пришедшее сообщение в мессенджере.

«Как насчет ужина?» – спрашивал некто с незнакомого номера, но по фото стало ясно, что это доктор Дима.

«Нет, спасибо, я занята», – ответила девушка, раздраженно засовывая мобильник в карман и глазами выискивая дочь. Той нигде не было видно.

– Марина! – позвала Катя, вертя головой, но дочери так

и не обнаружила.

Принявшись обходить новогодние фигуры, девушка с тревогой глядела на других детей, чувствуя, как сердце сжалось. Ну куда могла убежать дочка? Увидев, наконец, ту у большого аквариума с золотой рыбкой, которую можно было кормить за деньги и загадывать желание, Катерина выдохнула.

– Мариша, ну куда ты убежала?! – воскликнула, подходя к девочке и укоризненно качая головой.

– Я хочу загадать желание, чтоб у тебя появились хрустальные туфельки и принц! – выпятила губку дочка. – Все принцессы должны быть с принцами, они им дарят кареты и украшения, и много-много пирожных!

– Вы мечтаете о принцах или пирожных, коллега? – иронично воскликнул знакомый голос откуда-то сверху.

Резко оглянувшись, Катя увидела Григория, что стоял рядом, скрестив руки на груди и взирая на нее сверху вниз.

– Не знал, что у вас есть дочь, – сказал он, переводя взгляд на замершую с приоткрытым ротиком девочку.

Катя ощутила, как внутри нее словно закручивается огромная пружина, сжимается почти до боли, готовая выстрелить в любую секунду. Она много раз представляла в голове встречу отца с дочерью, но никогда вот так – возле аквариума в торговом центре. И что сейчас говорить? Но Мариша решила все за нее. Она доверчиво протянула Григорию руку и потянула его за палец, словно ярмарочного медведя, тыча пальчиком в сторону рыбки и возбужденно лопоча, что если ту покормить немедленно, то она исполнит желания почти сию секунду, и уж если не подарит ей принцессу Селестию, то хрустальные туфельки для мамы с принцем в придачу точно должна принести.

Плотников бросил на замершую в напряжении коллегу ироничный взгляд, и позволил себя увлечь похожей на него точь-в-точь девочке. Он и сам не понимал, что его так зацепило в малышке, показалось, что есть в ней что-то знакомое, будто они уже раньше где-то встречались, но он точно был уверен, что нет. Может, это, как говорят французы, дежавю? Ведь саму Катю он точно увидел впервые только в клинике. Она была совершенно не в его вкусе – светловолосая, светлобровая, с бледной до синевы кожей, какая-то маленькая и невыразительная. Однажды ему уже понравилась похожая на эту девушку женщина, и тогда он обжегся так сильно, что

теперь этих хрупких русоволосых девиц обходил стороной. Хотя, не в волосах, конечно, дело. Просто не его оказалась женщина. А его до сих пор не родилась, наверное. Ну или вот такая вот еще малышка, как та, что тащила его загадывать желание. Его, взрослого высоченного мужика, волокла за собой девчушка, едва достающая ему до пояса, с черными, кстати, волосами и сливочного цвета кожей. В будущем, похоже, ее отец будет с ружьем отгонять кавалеров от двери. А кстати, он и не знал, что у Катерины есть муж. Хотя, если б был муж, то дочка бы не желала для мамы принца в туфельках. Тьфу, вернее, туфельки с принцем. Ну да, вообще-то, у такой мегеры разве может быть мужик? Ни один такой вздорный характер не выдержит. На работе эта ехидна так и достаёт его своими язвительными замечаниями, и не только его, но и других врачей мужского пола тоже. Даже безобидному Палычу достается, хотя тот вообще добряк и никогда не реагирует на подобные нападки.

Но сам от себя не ожидая, Гриша покорно выложил сто рублей, засовывая их в специальную прорезь для кормежки, и вскоре с каким-то детским восторгом смотрел, как золотая красавица с длинным хвостом уплетает плывущие сверху крошки. Девочка рядом захлопала в ладошки и хитро взглянула на него.

– А ты сам загадал желание? – спросила она с детским любопытством.

– Мариша, разве можно незнакомым людям «тыкать»? –

поморщилась Катя, стоя на шаг позади.

– Ой, мамочка, я забыла! – качнула кудряшками дочь и тут же подняла вверх свою умилительную мордашку с глазами шоколадного цвета. – Как вас зовут?

– Григорий, – улыбнулся хирург, и присел на корточки, подмигнув, – теперь можешь говорить мне «ты», мы ж знакомы!

– Хорошо! – важно кивнула ему девочка. – А меня зовут Марина, и ты мне тоже можешь говорить «ты»!

– Договорились! – протянул ладонь малышке и с удивлением качнул головой мужчина, когда та, словно настоящая кокетка, протянула свою ручонку не для пожатия, а для поцелуя.

Вот откуда в ней это? Мама ее точно бы откусила ему руку по самую ягодицу, а эта красотка улыбается, демонстрируя ямочки и белые зубки, и явно довольна собой.

– Мариша, мы опоздаем на мультик! – недовольно нахмурила Катя брови, видя, как ее случайный любовник воркует с дочерью.

Не хватало еще, чтобы он догадался, что она от него! Хотя мужики слепые, это как пить дать! Разве нельзя распознать в улыбке, в мимике, в чертах лица свое дитя? Нет, похоже, даже подозрений не возникло!

Плотников выпрямился, а затем перевел взгляд на хмурю Катю.

– Ну-с, коллега, прекрасного вам просмотра! – широко

улыбнулся он. – Ваша принцесса просто чудесная! Если у меня когда-нибудь будет дочь, хочу, чтоб была похожа на вас.

– А у меня нет папы, – брякнула Мариша, вздыхая горестно. – Мама говорит, он сильно много работает, и у него нет времени приехать. Но я знаю, что он меня бросил, мне в садике так сказали. У нас у Мишки папа умер, а мой не умер, и все говорят, что он бросил меня. Вот.

Дочка выпятила губку, явно готовясь зареветь. Катя и не думала, что в детском саду ведутся такие вот разговоры. Надо будет обсудить это с воспитательницей. Что это за темы поднимают дети?!

Григорий бросил на девушку странный взгляд, а затем снова присел на корточки.

– У меня есть одна знакомая девушка, – сказал он, вытирая покотившуюся-таки слезинку по щеке девочки, – так вот, она вообще без мамы и без папы жила долгое время. А у тебя посмотри какая мама – ради тебя переехала в другой город, и работает много, и ты похожа на принцессу, вырастешь очень красивой девочкой. Не расстраивайся.

– Знаешь, что я загадала рыбки? – качнулась вдруг к нему Мариша, обнимая за шею и шепча в ухо. – Чтобы у мамы появился муж, а у меня папа! Он будет меня любить, и носить на плечах, как других девочек носят, и мы поедем на море!

Катя замерла бледной статуей, видя, как ее маленькую девочку утешает совершенно незнакомый той человек, кото-

рый по чистой случайности является ее биологическим отцом. Сейчас она поняла, что все ее мечты, что однажды она расскажет Плотникову, что Мариша – его дочь, никогда не воплотятся в реальность. Он просто не помнит ее. Она шесть лет назад была совсем другая, с короткой стрижкой, в модном платье, с макияжем и волосами цвета топленого шоколада. Нет, будет огромной ошибкой рассказать этому человеку о себе. Он просто посмеется над ней, а в свете сегодняшних событий подумает, что Катя ищет своей дочери отца. Нет уж, прожили как-то пять лет, проживут и еще, а там она расскажет Марише всю правду, и та сама решит, хочет она общаться с этим человеком или нет.

Гриша что-то бубнил утешающее, затем выпрямился, устав сидеть на корточках, и взглянул с высоты на подносящую личико Марину.

– Знаешь что? – спросил он у нее, снова подмигивая. – Давай мы встретимся еще раз, и я покаю тебя на плечах. Скоро станет совсем тепло, в парке заработают карусели, а я точно знаю, что все дети любят их. Я бы и сам не против прокатиться, если влезу!

– Ты не влезешь! – успокоившись, покачала головой девочка. – Ты такой огромный, а карусели для малышек. Но я согласна с тобой туда пойти! Если мне мама разрешит.

Катя почувствовала, как ее щеки заливают краска, так как в этот самый момент Григорий уставился на нее иронично, мол, разрешишь, мама, или нет?

– Мариша, но у дяди могут быть свои дела, – слабо запротестовала она, смущенно отводя взгляд.

– Я же сам предложил, – возразил Плотников. – Так что придется вам, Катя, выделить нам с Мариной выходной для прогулки в парке.

– Да-да, мамочка! – со знакомыми интонациями пропела дочь, сложив руки на груди и топая кончиком ботинка.

– Ну хорошо! – сдалась девушка, поднимая ладони. – В первый же теплый выходной пойдем в парк на карусели!

Двое одинаковых пар глаз торжествующе переглянулись. Ну и дела!

8

Но осуществить желание Григория Плотникова и Марины оказалось не так-то просто, погода, до этой недели намекавшая на скорую весну, будто круто передумала и решила заснежить напоследок все вокруг. Утром в понедельник Катя едва успела на работу, прорвавшись сквозь сугробы из детского сада, и пыхла, переодеваясь в раздевалке. Она заскочила в дежурку, где уже собрались коллеги, самой последней, нашла свободный стул и плюхнулась на него, только потом заметив, что тот стоял впрытык между местами Дмитрия Викторовича и Григория Николаевича.

– Как вы чудесно выглядите с мороза, Катерина! – зашептал тут же доктор Дима. – Вся такая ароматная, румяная, так бы и съел вас!

– Держи себя в руках, коллега, а то сейчас наша прекрасная акушерка откусит тебе голову по самые яй... в общем, по пояс откусит, – иронично прошептал Григорий. – Ишь как глазами сверкает, аки богиня Артемида.

Катя хотела было ответить что-то резкое, но осеклась, увидев, как заведующий поднимается со своего места.

– Доброе утро, уважаемые коллеги! – начал он. – Хотел бы начать день с хорошей новости. Как вы знаете, наша клиника продолжает развиваться, и уже сейчас готова предоставить населению новую услугу – выезд на дом. Наши лаборанты

делают это достаточно давно, а теперь и врачи и средний персонал будет иметь такую возможность. Отдельно выделена линия скорой помощи, там закуплено пять машин, бригады почти полностью укомплектованы и готовы выезжать на вызовы, а также сформирована амбулаторная помощь на дому, когда пациент не нуждается в экстренной медицинской помощи, но не желает посещать городские поликлиники. Для этого будут привлекаться врачи из амбулаторного и стационарного звена, а также медицинские сестры и акушерки. Разумеется, все согласно рабочему расписанию, никто не будет хватать вас посреди дня и отправлять куда попало. Машина для этого тоже закуплена, кто владеет правами, может передвигаться за рулем, кто не владеет, тот будет ездить с одним из водителей. Наши колл-менеджеры уже принимают такие вызовы, расписывают их, и сегодня в течение дня мы начнем их обслуживать. Да-да, – заведующий поднял вверх ладони, – я понимаю, что это слово нами всеми воспринимается в штыки, мы с вами лечим, а не служим, но это просто речевой оборот. Оплачиваться это будет по отдельному тарифу, который вас приятно удивит. В общем, всем хорошего начала недели, коллеги!

Катя молчала, пока коллеги возбужденно обсуждали новости. Да, об этом говорили и на прошлой неделе, но все думали, что будет выделено отдельное звено персонала, а не из существующего.

– Не представляю, как мы будем все это совмещать, – за-

думчиво произнесла Варвара Алексеевна. – Конечно, дело нужное и хорошее, но вот как я могу бросить своих беременных в амбулатории и рвануть куда-то на дом?

– А вам и не придется! – заведующий, Леонид Васильевич, остановился напротив беседующих коллег. – Вас мы не включали в список выездных сотрудников, а вот помощницу вашу, – тут мужчина бросил взгляд на Катю, – внесли. И уже даже есть заявка на выезд. Ее обработает колл-центр, сформирует бригаду, если там требуется кто-то еще помимо акушерки, а затем уже сообщат. Так что готовьтесь, Катюша, сегодня ваш дебют.

– Чудесно! – пробормотала в ответ девушка.

Сегодня как раз «отличная» погода для поездок. Она б тоже на месте пациентов не хотела выходить из дома в такую погоду, и уж точно при наличии денег вызвала бы врача на дом из платной клиники. Но что ж поделать, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Первые два часа работы она еще с тревогой ждала, когда ее вызовут куда-то ехать, но ближе к двенадцати расслабилась и даже начала подумывать об обеденном перерыве, так как желудок принялся выводить голодные рулады.

– Идите, Катюша, на перерыв, – Варвара Алексеевна кивнула на монитор, – записи пока нет, у нас свободно. Я еще посижу, карты допишу, завтра первичная девочка придет анализы сдавать, хочу расписать ей все заранее. А вам нужно набираться сил, вдруг вызовут. Не понимаю, конечно, по-

чему не выделить для этого сотрудников отдельно. Хотя, с другой стороны, может, это экономически нецелесообразно.

Но едва Катя поднялась с места, разминая в легком наклоне спину, как дверь без стука распахнулась, являя Григория Плотникова собственной персоной.

– И чего сидим? – осведомился он, сдвигая брови. – Мы с вами, Катенька, сегодня первопроходцы. Сформировали бригаду из сосудистого хирурга и акушерки, жалобы у беременной пациентки специфические, поэтому вас ко мне и прикомандировали. Выезжаем через десять минут, как раз успеете переодеться в свои вещи.

– Чушь какая-то! – выдохнула девушка, вскидывая брови. – Странное сочетание, вы не находите? Акушерка и сосудистый хирург!

– Согласен, – кивнул Плотников. – Но деваться некуда, едем. Жду вас в фойе.

Пришлось вместо обеда тащиться в дежурку, натягивать на себя колготки, джинсы, свитер, брать халат и стерильный смотровой набор на всякий случай, а затем спускаться на первый этаж.

Доктор уже был там, сидел в кресле для посетителей и потягивал кофе из белой фарфоровой чашечки, сваренный на аппарате заботливой сотрудницей ресепшн.

– Наконец-то! – недовольно бросил он, поднимаясь. – Будь вы солдатом, Катерина, враг бы захватил позиции, пока вы там на помаживались.

– Я? Напомаживалась? – задохнулась от несправедливого обвинения девушка. – Я не напомаживалась вообще-то, а переодевалась в теплые вещи. Зима, если вы не заметили, здесь не южная!

Плотников бросил красноречивый взгляд на ее губы, покрытые блеском, и ничего не ответил, только дернул щекой раздраженно.

– Едем на моей машине, не на служебной, – коротко бросил он, направляясь к стоянке, где уже фырчал работающим двигателем черный внедорожник. – Садитесь спереди и пристегнитесь.

– Да уж догадалась бы, – едко ответила ему Катя, открывая дверцу и с возмущением разглядывая высокие ступени и специальную ручку, за которую можно было уцепиться, чтобы забраться в салон.

Конечно, эти высокие мужчины предпочитают таких монстров, совершенно не думая об окружающих. Хорошо, что она не в юбке, иначе была бы потеха, когда по скользким ступенькам девушка проехала ногой и едва не рухнула под колеса, пытаясь взобраться в машину. Гадство!

– Вы такая грациозная лань, – усмехнулся Плотников, вырубивая со стоянки, – я прямо восхищен.

– Вы б еще трактор себе купили, чтоб по сильнее восхищаться! – едко отозвалась девушка и отвернулась, гневно тараща на улицу.

Она молчала некоторое время, пока не заметила, что дви-

гаются они к выезду из города.

– Куда мы едем? – повернувшись к Григорию, спросила максимально спокойным голосом.

– В соседний город, – ответил он, не отвлекаясь от дороги. – Полтора часа езды при условии, что дорогу не замело, или два-три, если скорость будет совсем низкой.

– Как? Но... У меня ведь дочь в детском садике! Мне ее забрать надо в шесть, а если полтора часа туда и столько же обратно, да там неизвестно сколько, то мы можем не успеть. А если больше?

– Помочь вам некому? – бросил Григорий взгляд на девушку.

– Нет, – качнула та головой. – Мама не здесь живет, а больше у нас никого нет.

– Тогда постараемся успеть, – коротко ответил он, переводя взгляд на заснеженное полотно дороги, вившееся с клубящейся по нему поземкой.

Катя молчала всю дорогу, разглядывая белые шапки на соснах, которые росли высоченными лохматыми сторожами вдоль дороги, на клубящийся пар в горящих торфяниках, удивительным образом не затухающим даже зимой, и не заметила, как провалилась в сон, вздрогнув только тогда, когда ее тронул за плечо Григорий.

– Приехали, – коротко бросил тот. – Берите свои вещи, осмотрим пациентку, я надеюсь, что там ничего серьезного, и двинемся обратно. Должны успеть как раз к шести.

Кивнув, Катя протерла лицо ладонью, прогоняя сон, запахнула пуховик, накинула капюшон и пошла следом за несущим портативный аппарат УЗИ доктором.

Пациенткой оказалась женщина сорока пяти лет, которая вышла встречать их, словно огромная каравелла в халате.

– Ой, я и не думала, что ко мне сегодня кто-то придет! – заволновалась она, выглянув в окно и увидев снова пошедший снег. – Как же вы добирались по такой дороге?

– Все хорошо, – коротко ответил ей Григорий, снимая куртку и вопросительно глядя на беременную. – Пойдемте в комнату, где вы сможете лечь, осмотрим вас. Что беспокоит?

Как оказалось, последние три дня у нее болела левая нога. Раньше даму беспокоил тромбофлебит нижних конечностей, и она дважды оперировалась, а тут случилась внеплановая беременность, и почти все время приходилось ходить в антиварикозных чулках.

– В больницу вам надо, голубушка, – увидев покрасневшую вену и отечную ногу, сказал Григорий Николаевич. – Опасная ситуация и для вас, и для ребенка. Живот не беспокоит?

– Нет, у меня срок еще тридцать недель, только вот в декрет вышла. Рожать рановато. – Женщина с тревогой приподнялась на локтях. – А может, терпит еще ситуация?

– Нет, - качнул головой доктор. – Не терпит. Тут у вас тромб, который весьма опасен. Надо сегодня же госпитализироваться. И даже лучше, если прямо в ближайшее время.

Тут у вас ЦРБ (Центральная районная больница – прим.авт) хорошая, я там хирургов знаю, помогут, спасут. При необходимости переведут в сосудистый центр. Звоним в скорую?

– Ой, да как же... Я ж не готова совсем! – запричитала женщина, присаживаясь на диване. – Я ж вас и вызвала, не скорую, думала, посмотрите, мазь или таблеточки, я согласна.

– Нет, уважаемая Елизавета Юрьевна, мазью уже не помочь, – терпеливо вновь начал Плотников. – Муж у вас на работе? Позвоните ему, пусть приедет, мы пока вам скорую вызовем. Катерина, – обратился он к акушерке, – набери ноль три, я переговорю.

Катя набрала на своем телефоне номер службы Скорой помощи и передала трубку врачу. От нее не требовалось никаких других действий, и потому она присела на табуретку, принявшись заполнять карту вызова, переписывая своим круглым почерком данные пациентки из паспорта.

Вскоре прибыла бригада врачей и муж, которые оказались в квартире одновременно.

Мужчина с бледным видом влетел в распахнутой шубе в комнату, даже не сняв грязных ботинок, бросился к лежащей на диване жене, едва не снеся по пути сотрудников СМП, и принялся целовать руки жене.

– Душечка, – шептал он, – напугала ты меня!

Вскоре Катя и Григорий оказались на улице, оставив бригаду врачей и пациентку с мужем, загрузили оборудование и

выдвинулись в обратный путь.

– Тупой вызов! – зло прокомментировал врач, крепко держа руль двумя руками. – И мое время потрачено, и ваше, и бензин. Изначально следовало вызвать даме скорую и передать в руки больничных хирургов.

– Согласна, – Катя вздохнула, расстегивая пуховик в теплом салоне. – Я-то еще хоть поспала в дороге. Вообще, меня укачивает всегда, вырубаясь сразу же. Наверное, не смогла бы вести машину на такие длительные расстояния.

– Смогла бы, – усмехнулся Григорий. – Слушайте, Катя, давайте уже на «ты», это выканье утомляет.

– Давайте, – мысленно усмехнулась девушка, вспоминая, какой была их та самая ночь, когда ни о каком выканье речи не было, только жаркие поцелуи, объятия и простые движения, буквально сносившие голову. – Темнеет уже.

– Ничего, машина надежная, шины и тормоза тоже, – улыбнулся Плотников, отчего на щеке его появилась ямочка. – Долетим быстро.

Но снег разошелся сильнее, валя огромными хлопьями на лобовое стекло, что дворники не успевали счищать его, бешено скользя туда-сюда. Скорость снизилась до сорока километров в час, видимость была практически нулевая, приходилось плестись очень медленно, рискуя или врезаться в кого-то, или улететь в кювет.

– Не успеем, – вынес вердикт Григорий, вздыхая. – Сейчас еще связь скоро пропадет, надо звонить кому-нибудь, чтоб

забрали твою принцессу из сада, а самим попробовать переждать тут где-то. Должен же этот снегопад прекратиться.

– Мне некому позвонить, – вздохнула Катя, перебирая контакты.

– Так, сейчас я тогда попрошу свою... В общем, у меня есть кого попросить.

Припарковавшись на обочине, врач уточнил адрес садика, попросил предупредить воспитательницу, что девочку забереет не мама, а сам вышел, чтобы не разговаривать при коллеге.

Катя нервно вздохнула, почесав шею. Для нее это была неприятная ситуация, и во сколько она окажется дома, вообще было непонятно. Может, и вовсе придется где-то тут провести ночь, если снегопад не прекратится. На улице уже стемнело, видимость стала и вовсе нулевой, ехать в такой ситуации крайне опасно.

– Все решил, заберут Маришу, – Григорий распахнул дверь автомобиля и уселся на водительское сиденье, потопав снаружи ногами. – Сейчас немного тут посидим, подождем, а там двинемся в обратный путь, если не прекратится, там найдем, где переночевать, или поедем к себе в город, если прекратится. Руководство я тоже в известность поставил.

– Спасибо! – кивнула ему с тревогой Катя, глядя на мелькающие на лобовом стекле дворники.

Но спустя полчаса стало понятно, что снегопад не только не уменьшается, а наоборот, стал сильнее. Григорий включил фары, в свете которых Катя со вздохом заметила, что белые хлопья валят сплошным ковром. Машина уже и сама превратилась в сугроб, и дорога была заметена. Мимо никто не проезжал, видимо, также, как и застрявшие врачи, пережидали непогоду.

– Если сейчас не выдвинемся, то можем застрять здесь неизвестно на сколько, – повернулся к ней Плотников. – До Свободного ехать меньше, чем до Благовещенска, предлагаю вернуться туда, там у меня знакомый хирург, попросимся к нему, а утром уже посмотрим. Ехать в полной темноте, да еще в такой снегопад – самоубийство. В обочину перевернемся или застрянем, связи нет, так и околеем тут. Доедем – позвонишь дочке, скажешь, что переночует у меня, утром ее отведут в садик.

– Если честно, вообще страшновато ехать, – пожаловалась Катя, ежась.

Григорий покосился на нее, но ничего не ответил, натягивая вынутую из бардачка шапку по самые глаза и выходя из машины. Хлопнула дверь багажника, и вскоре мужчина принялся огромной щеткой сметать снег с автомобиля, расчищая крышу и лобовое стекло. За то время, пока он нахо-

дился на улице, стал сам похож на большой сугроб, и долго отряхивался, прежде чем усесться на водительское место.

– Ну что, с богом? – спросил он Катю, вырубивая на дороге и разворачиваясь медленно. – Хорошо, что машина большая и надежная, на легковой бы мы так тут и остались.

– Любишь большие машины? – полюбопытствовала девушка, чтобы хоть как-то отвлечься от тревоги.

Пальцы ее похолодели, она сцепила их и спрятала в рукава. Заметив ее это движение, Гриша выкрутил максимально регулятор печки.

– Люблю, – ответил коротко. – Я и сам не маленький, как ты заметила. Вообще, сейчас, конечно, намного меньше, чем был в институте. Там я весил сто тридцать кило, жрал все, что не приколочено, и был слеп, как крот. Современная медицина творит чудеса – зрение мне восстановили за несколько минут, а тело я уже несколько лет дорабатывал. Сложнее всего было от пончиков отказаться. Вкусные, заразы!

Он заулыбался, покосившись на девушку. Та вздохнула – пообедать так и не удалось, и сейчас желудок мучительно сжимался, а при мысли о пончиках и вовсе заголосил.

– В спортзале занимаешься? – хотя, такой вопрос можно было и не задавать, и без того было понятно по сильным рукам и мощным плечам, что все свободное время доктор Плотников не скучает со штангами.

– Конечно, – усмехнулся Гриша. – Правильное питание и спорт сделают из жирдяя человека. (здесь и далее автор

ничего не имеет против людей всех весовых категорий)

– И что, ты вот постоянно соблюдаешь диету? – порази-
лась акушерка, покачав головой в изумлении.

– Нет, конечно, диету я вообще не соблюдаю. Просто не
жру все подряд. Хотя иногда хочется. ПП – это же не диета,
а образ жизни. И в таком теле мне гораздо комфортнее, чем
в жирном. Хотя, я и сейчас вешу девяносто семь кило, но
основная масса – мышцы, а не жир.

– Качаешься?

– Ну, так, потихоньку треню, – хмыкнул Григорий.

Он был максимально сосредоточен на дороге, двигаясь
медленно, стараясь не зацепить колесами обочину. Не хвата-
ло еще перевернуться здесь и угробить и себя и эту девушку.
Странно, что на работе она казалась ему злобной мегерой, а
сейчас была вполне нормальной, с такой даже и пообщаться
было приятно. Может, у нее это защитная реакция против
таких, как он сам и другие доктора клиники? Но ведь дочь-то
же от кого-то умудрилась родить, видимо, тогда брони еще
не было, или сумел-таки кто-то залезть в трусы неприступ-
ной акушерке.

– Сколько тебе лет? – спросил сам для себя неожиданно.

– Двадцать пять, – отозвалась Катя, зевая.

Ее стало вновь клонить в сон, и она еле держала глаза от-
крытыми.

– А тебе?

– Мне двадцать девять, очень скоро будет тридцать. Круг-

лая дата, – улыбнулся Гриша. – Придется отмечать с коллективом, у нас не простят, если я тихо сольюсь. Так что буду ждать тебя на моем празднике. Приходи, можешь вместе с дочерью, будет все цивилизованно, никаких танцев на столе без трусов.

– Скучота! – заулыбалась в ответ девушка. – Танцы без трусов – это ж моя мечта.

– Да? – покосился на нее Плотников.

– Конечно! – ответила Катя, продолжая улыбаться. – Если именинник этого желает, пусть танцует!

– А я думал, ты будешь танцевать! – подначил ее врач.

– Не, ты что, я ж суповой набор, на что там смотреть-то без трусов?

– Ну, разные ж любители имеются, – Гриша кинул взгляд куда-то в район Катиной груди, отчего девушка смутилась и плотнее запахнула пуховик. – Судя по указателям, скоро приедем.

Вскоре на дороге появились фонари, и стало двигаться легче, а на въезде в город уже всю работала снегоуборочная техника, да и сам снегопад был здесь меньше.

– Сейчас позвоню Лехе, узнаю, на работе он или дома, – остановился на обочине Гриша, набирая номер знакомого хирурга.

Коротко переговорив с ним, покосился на Катю.

– Он на дежурстве, сейчас ключи заберем, и переночуем у него. Правда, там однюшка, но есть диван, поместимся.

Внутри девушки тут же все заледенело. Один диван и все? Может, хотя бы кресло? Или матрас?

Но ее надежды не оправдались – квартира была полупустой, из мебели там оказался упомянутый уже ранее диван с неубранным постельным бельем, стул с навешанной на него одеждой, а в кухне стол и маленький шкафчик, пристроенный возле мойки, заваленной грязной посудой. Плитка сиротливо ютилась на подоконнике, залитая то ли супом, то ли чем-то еще пригоревшим.

– Кать, я пойду до магазина добегу, пока не закрылись, ты тут похозяйничай чуток. Леха сказал, постельное у него одно, так что спать будем как бомжи, покрывало только возьмем и подушки. Он недавно переехал сюда, еще не освоился. Да и одному много не надо.

Кивнув, девушка проводила Гришу взглядом, а потом вздохнула, обозревая гору грязной посуды. Видимо, за уют придется заплатить уборкой. Она со вздохом подошла к раковине, включила воду и принялась отмывать присохшую еду к тарелкам и столовым приборам, а после занялась кастрюлей и плитой, чтобы к возвращению Плотникова уже можно было поставить воду на пельмени.

Дочка спала, как оказалось, утомившись в садике. Это ей сообщил Григорий сразу же, как они припарковались возле подъезда, и он дозвонился женщине, что забирала девочку из сада.

– Поела, умылась и легла спать, – отрапортовал он Кате,

которая сидела с вытянутым лицом – мелкая никогда так рано не укладывалась. – Хочешь, разбудим, поговоришь с ней.

– Нет, – качнула головой акушерка. – Пусть спит. Да и поздно же уже.

Сейчас она задумчиво сидела за столом, вяло ковыряя пельмени вилкой, размышляя, что надо подумать о няне на такие экстренные случаи. Только где ее взять-то надежную, такую, чтоб могла и с ночёвкой остаться. Или пойти к руководству и сообщить, что выезжать на такие расстояния больше не может в связи с семейной ситуацией.

После ужина девушка помыла посуду, а затем с опаской вышла в комнату. Григорий уже собрал постельное белье, вытащил покрывало из пододеяльника, бросил подушки в изголовье и стянул свитер, оставшись в одной футболке. Катя невольно залюбовалась мышцами на его теле, вспоминая, что в их прошлую встречу много лет назад он был не таким накачанным. Видно, что парень работает над собой, и отчего-то ее бросило в жар при воспоминании, как именно эти руки сжимали и гладили, как горячее тело буквально вдавливалось в нее, и что при этом ощущала сама Катя. Она с сомнением покосилась на довольно узкий диван, затем на Гришу.

– Боишься, что не сможешь удержаться и начнешь приставать? – иронично усмехнулся он, прочитав все сомнения во взгляде девушки.

– Конечно, – сверкнула та глазами. – Вдруг не удержусь и буду покушаться на твою честь!

– Только учти, я существо слабое, безвольное, долго сопротивляться не смогу, – пригрозил ей шутливым тоном Плотников, а затем добавил: – Я уже успел почистить зубы пальцем как смог, умылся, и готов ждать тебя, Афродита. Давай спать, утром встанем пораньше, завезем ключи Алексею и поедem к себе.

Катя долго плескала водой в красное лицо, запершись в ванной, смотрела на свое отражение в зеркале, кусала губу, не представляя, как она сможет провести ночь с этим красавчиком на одном диване. За что ей такое мучение? Неужели она... Будет ли у них секс? Внутри нее разлилось какое-то томление, и девушка с удивлением поняла, что совершенно не против, если будет. Сегодня Григорий открылся ей совсем с другой стороны, но готова ли она к такому? Ведь они коллеги!

Наскоро приняв душ, натянув несвежее белье и футболку, она неслышно вышла из ванной и остановилась на пороге погруженной во мрак комнаты.

– Ну чего застыла, иди сюда, – хрипловато позвал ее Гриша, приподнимая покрывало.

Нерешительно переступив с ноги на ногу, Катя помялась на пороге, но потом подошла к дивану, уселась на него со вздохом, затем легла, стараясь, чтобы между нею и Григорием оставалось хоть какое-то расстояние.

– Спокойной ночи, – пробормотал сонным голосом Плотников, поворачиваясь спиной.

– Спокойной, – отозвалась девушка, подминая под себя пахнущую чужим дезодорантом подушку.

За много лет она привыкла спать одна, и сейчас никак не могла успокоиться, слыша размеренное дыхание за спиной. С чего вообще ей пришла в голову мысль, что между ними может быть секс? Это она изголодалась по мужскому вниманию, а доктор-то явно не скучал все это время, и с кем-то встречался. Не бобылем же он жил! Да и не в его она вкусе! Странно, но если еще полчаса назад глаза буквально слипались от желания спать, то сейчас никак не удавалось погрузиться в дремотное состояние.

Катя лежала в темноте, глядя сквозь не зашторенное окно на мрачное небо, тускло освещенное фонарями, на тени голых деревьев, размышляя о том, как завтра они приедут в свой город, как она встретится с дочкой, и сама не заметила, как погрузилась в сон, буквально провалившись в него, чтобы вздрогнуть от резкого звонка чужого будильника.

– Нихрена не выспался! – пробубнил над ее головой хрипловатый мужской голос, выхватывая из уютной неги и возвращая в реальность. – Встаем, Катерина, пора в дорогу!

Откинув одеяло, Катя спустила ноги на пол, поежилась от утренней прохлады, потерла лицо ладонью, попыталась прочесать спутавшиеся за ночь длинные волосы, каскадом рассыпанные по спине и плечам, а затем замерла, ощутив, как их коснулась чужая рука.

– Красота какая! – выдохнул Гриша. – Ты все время с бубликом своей ходишь, а у тебя такое богатство на голове!

Он словно ребенок, дорвавшийся до игрушки, перебирал волны золотисто-русых волос, струящихся между пальцами, пока не встретился взглядом с настороженными серо-зелеными глазами.

– Извини! – пробормотал тут же, поднимаясь. – У тебя свой цвет волос? У дочки-то твоей темные.

– Свой, – Катя натянула на голые ноги покрывало и принялась ловко заплетать косу. – У Мариши от отца цвет.

Без расчески и лака она не сможет закрутить волосы в тугую прическу, поэтому придется словно деревенской Марфушеньке с косой ехать, которая оказалась ей до копчика длиной, когда девушка поднялась с постели на ноги.

Гриша за это время успел умыться, и, выйдя из ванной, замер на пороге комнаты, разглядывая стоявшую к нему спиной девушку, которая уже успела надеть джинсы и сейчас потягивалась, поднимая руки вверх. Ее узкая спина плавно пе-

реходила в тугую попку, которая прижималась всю ночь к его телу, будоража низменные инстинкты, а толстая коса так и манила измерить, сколько витков поместится на его руке. Он почти физически ощутил, как запрокинет голову этой девушке и вопьется губами в белоснежную кожу ее шеи, прижимая второй рукой к своему телу, вдавливая в него, а дальше... Тряхнув головой, Григорий отогнал наваждение. Это же акушерка Катя, которая готова мужикам головы откусывать направо и налево, а не легкодоступная девица.

– Поехали? – спросил он, избегая смотреть ей в глаза.

– Да, сейчас только умоюсь, – кивнула она, тоже не спеша поднимать взгляд и юркнув мышкой мимо мужчины в ванную.

Вскоре медики уселись в заведенную заранее машину, и выехали на дорогу. До больницы, где трудился знакомый Григорию хирург, добрались быстро. Там же поинтересовались судьбой своей вчерашней пациентки и выяснили, что ту экстренно прокесарили в связи с ухудшением состояния плода, а теперь занимаются спасением конечности. Значит, не зря приехали все же на показавшийся пустяковым вызов.

Катя покосилась на негромко мурлыкавшего под нос какую-то песню Григория.

– Что? – повернул тот голову, уловив ее взгляд.

– Ничего, – пожала девушка в ответ плечами. – Позавтракать бы. А то я скоро выть начну, как волчица.

Остановившись на заправке, Плотников купил им обоим

по стакану с кофе и по горячей сосиске в тесте.

– Надеюсь, ты меня по дороге не сожрешь, дикая женщина? – шутливо осведомился, подавая в жадно протянутые руки завтрак.

– Как знать? – пробубнила с набитым ртом Катя. – Возможно, и сожру.

Снегопад прекратился еще ночью, судя по колее, которую успели проехать другие водители, но Григорий вел машину осторожно, не превышая скорость, и в Благовещенск заехал уже ближе к восьми утра.

– Сейчас заедем ко мне, заберем Маришу, доставим ее в садик, а потом на работу. Я предупредил, что опоздаем, пока на заправке были, – пояснил он, заруливая во двор одной из многоэтажек.

Катя вышла из машины, подняв голову и разглядывая ряд окон на доме. На каком же этаже проживает ее спаситель?

– Идем! – тот уже был у двери подъезда и приоткрыл ее, впуская девушку. – Лифт налево.

Этаж у Плотникова оказался самый последний, десятый, и квартир там было всего две. Подойдя к одной из них, мужчина открыл ключом, а затем махнул замершей позади него Кате.

Та вошла, и тут же услышала звонкий дочкин голосок, а также уловила аромат выпечки, доносившийся откуда-то из глубины квартиры.

– Дина! – позвал стягивающий ботинки Гриша.

Послышался топот ног, а затем в прихожую выскочила сначала Марина, а следом за ней вышла пожилая женщина в переднике.

– Доброе утро! – приветствовала она опешившего мужчину. – Дина уже уехала на работу, а мы тут с Маришей вдвоем управляемся. Блинов вам напекли вот к завтраку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.